

Миленко Виктория Дмитриевна

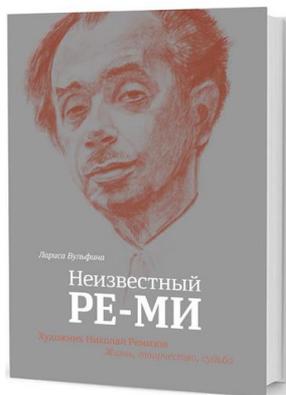
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Русский язык и русская литература»
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный
университет»; Российская Федерация, Севастополь,
e-mail: vika-milenko@yandex.ru

ХУДОЖНИК ИЗ ЛЕГЕНДЫ:

Рецензия на книгу

**Вульфина Л. Б. Неизвестный Ре-Ми: художник Николай Ремизов.
Жизнь, творчество, судьба. М. : Кучково поле, 2017. 304 с.**

Victoria D. Milenko

PhD of Filology, Associated Professor of Department
«Russian language and Russian literary», Humanitarian
and Pedagogical Institute, Sevastopol State University

PAINTER FROM THE LEGEND:

review of the monograph by **L.B. Vul'fina «Unknown Re-Mi: Painter Nikolai
Remizov. Life, creativity, fate»** (Moscow : Kuchkovo Pole, 2017. 304 p.)

У него шестнадцать глаз –
Все работают зараз:
На шестнадцать верст окрест
Ловят каждый гнусный жест
Саша Чёрный о Ре-Ми, 1909 г.

Ушедший год подарил исследователям Серебряного века удивительную книгу. Говоря о ней, невозможно злоупотребить рекламным «впервые»: здесь, действительно, всё впервые, да и реклама не нужна. Любому специалисту ясна уникальность и коллекционная ценность этого издания, выпущенного малым тиражом в 700 экземпляров. Искусствовед Лариса Борисова Вульфина и издательство «Кучково поле» вернули из векового забвения имя художника Николая Владимировича Ремизова-Васильева (1887–1975), отметив таким образом его 130-летие.

Ре-ми. Сатир — эмблема журнала «Сатирикон». В левом верхнем углу авторский знак художника в виде скрипичного ключа.

Из книги Миленко В. Д.

Саша Чёрный: печальный рыцарь смеха, 2014

Сегодня это имя известно в основном историкам сатиры и сатирической графики, а некогда его знала вся читающая Россия. Первая часть жизни художника прошла в Петербурге под знаком журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», где он был ведущим автором и работал под «музыкальным» псевдонимом Ре-Ми (Ре-ми, Реми). Свои рисунки он иногда помечал фрагментом нотного стана либо скрипичным ключом. Именно Ре-Ми придумал фирменную эмблему «Сатирикона» — толстяка-сатира, что печатался на рекламных плакатах, продавался в виде фигурок и

копилок. Художник оформлял книги сатириконцев Аркадия Аверченко, Саши Чёрного, Тэффи. Все они — эмигранты первой волны — так или иначе давно вернулись в отечественное культурное

поле, Ре-Ми же до сих пор оставался некоей легендарной фигурой, сотканной из обрывочных свидетельств современников.

Вторая и большая часть жизни художника прошла в США, где его знали как «mister Remisoff» и очень ценили. Именно из Америки и началось его виртуальное возвращение в Россию. Автор рецензируемой монографии Лариса Вульфина живёт в Филадельфии, собирает работы русских художников-эмигрантов, гордится своей коллекцией произведений Ре-Ми.

Написание биографии героя потребовало от неё знакомства с его архивом в Университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес), с фондами Нью-Йоркской публичной библиотеки и других американских хранилищ. Выяснилось, как ни жаль, что потомков у художника нет.

Воссоздавая российский период жизни Ре-Ми, Вульфина изучала документы в РГАЛИ, РГИА, параллельно вела поиск его работ в музеях. Так, автору книги удалось обнаружить несколько картин в фондах Херсонского областного художественного музея им. А. А. Шовкуненко. Нужно сказать, ценнейших для биографа картин: они запечатлели, к примеру, облик сестры Ре-Ми, также рисовавшей для «Сатирикона» под псевдонимом Мисс. Найденные холсты пролили свет и на некоторые эпизоды «бега» художника из красного Петрограда: с конца 1918 г. до конца 1919-го он жил в Херсоне, откуда была родом жена. И это далеко не единственное открытие.

Вульфина оговаривается, что в её книге «основной акцент делается на освещении материалов, обнаруженных в американских архивах» (с. 74), и в этом грустный парадокс изучения наследия эмиграции первой волны. Дореволюционные российские архивы практически у всех погибли; Ре-Ми не стал исключением. Поэтому в монографии бережно и методично собраны все, даже мельчайшие, упоминания и воспоминания о герое как коллег-сатириконцев (М. Корнфельда, Е. Зозули), так и современников (К. Чуковского, Л. Белозерской, Дона Аминадо). Приводится в книге и хрестоматийный иронический портрет Ре-Ми, нарисованный в 1911 году его близким другом, редактором «Сатирикона» Аркадием Аверченко: «Я не встречал человека рассудительнее, осмотрительнее и осведомленнее его. Этот юноша всё видел, всё знает — ни природа, ни техника не являются для него книгой тайн. Ему 25 лет, но по спокойному достоинству его манер и мудрости суждений — ему можно дать 50. <...> Всё у него зашито, прилажено, манжеты аккуратно высовываются из рукавов, не прячась внутрь и не вылезая за четверть аршина, воротничок рассудительно подпирает щёки, и шея подвязана настоящим галстуком». Это цитата из популярнейшей «Экспедиции в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (1911), где Ре-Ми выведен под фамилией Мифасов.

Художник был одним из легендарного сатириконского трио: Аркадий Аверченко — Алексей Радаков — Ре-Ми. В отличие от творческого почерка Радакова, второго ведущего художника журнала, карандаш Ре-Ми был скорее обидным, издевательским, его карикатуры и шаржи задевали за живое. Современникам особенно запомнились его циклы «Гримасы города», «История современной русской литературы» и др.

Дружба Ре-Ми, Радакова и Аверченко в 1913 году переросла в коммерческий союз: они со скандалом покинули «Сатирикон», увели за собой всех сотрудников журнала и основали собственный «Новый Сатирикон», где

стали совладельцами. До сих пор не совсем ясна степень участия в этом ещё и художника Николая Радлова, впоследствии известного «крокодила». По одним данным, он одолжил Ре-Ми и Радакову деньги на уставный капитал, по другим — и сам был пайщиком «Нового Сатирикона».

Вульфина приводит интереснейшие фрагменты писем Ре-Ми к Радлову за 1922–1924 гг.: Ремизов тогда уже был в эмиграции, Радлов — в СССР. В этих строчках чувствуется человек, тоскующий и по Родине, и по своим оставшимся в Советской России близким, и отягощённый первым эмигрантским опытом: «Работа для материальных благ очень тлетворно действует на душу» (с. 120). Надеемся, что полная публикация этих писем впереди.

«Новый Сатирикон», успешное деловое предприятие, подточил дружбу неразлучного трио. Необходимость распределять прибыль и неизбежная ревность охладили пыл молодости. Недавно нам удалось установить, что отношения Ре-Ми с Аверченко могли стать натянутыми и по другой причине: Ре-Ми женился на женщине, много лет бывшей... возлюбленной Аверченко. Софья Наумовна Меттер, о которой идёт речь, до выхода монографии Вульффиной представлялась загадочной тенью, хотя и были известны её портреты работы Ильи Репина 1915 г. и Бориса Григорьева 1932–1933 гг. Автор публикует множество фотографий Софьи Наумовны — в молодости она была очень красива, поэтому могла пленить одновременно Аверченко и Ре-Ми. Невольно приходит мысль, что судьба была благосклонна к Софье Наумовне: останься она с Аверченко, он умер бы у неё на руках совсем молодым, в 1925 году. С Ре-Ми же она прожила около 60 (!) лет. Оба покоятся рядом на кладбище Desert Memorial Park (Палм-Спрингс).

Вульфина нашла и могилу своего героя, и его последний дом в Палм-Спрингс. Почти чудо! К сожалению, по-иному сложилась судьба художника-сатириконца Алексея Радакова, оставшегося в Советской России: его могила утеряна. Интересно сравнить пути этих художников после революции и краха «Нового Сатирикона». На первых порах, выживая, оба открыли арт-кафе с одинаковым названием «Петрушка»: Радаков — в Петрограде, Ре-Ми — в Нью-Йорке. В 1930-е годы Ре-Ми работал с богатейшей косметической компанией Элизабет Арден, а Радаков рисовал рекламные плакаты для парфюмерной продукции треста «Жиркость» (ТЭЖЭ). Ре-Ми в 1931 году разработал эскизы декораций рождественского карнавала в Чикаго, что принесло ему славу и гонорар; Радаков создавал эскизы советского карнавала в Парке культуры и отдыха им. Горького, получил за это символические деньги, большая часть идей воплощена не была...

Ре-Ми был моложе Аверченко и Радакова: он оказался в эмиграции в возрасте Христа. Возможно, поэтому начать новую жизнь ему было легче. В одном из цитируемых в книге писем Радлову художник вспоминал свою

работу в «Сатириконе» как нечто юношеское, не очень серьёзное, словом, то, что он давно превзошёл: «...жалеешь, что судьбе нужно было прекратить эту работу. Может быть, если бы не вся эта мировая передрыга, то журнал и мы все могли бы вырасти во что-то значительное, а то так это и осталось на полдороге» (с. 74). А вот Аверченко и Радаков считали «Сатирикон» своим творческим потолком.

Рассматривая репродукции работ Ре-Ми эмигрантского периода, понимаешь, что он имел в виду. Карикатура, «лёгкий жанр», осталась в сатириконском прошлом. Ей на смену пришли глобальные проекты. Апофеозом стала работа арт-директором киностудии «Парамаунт» в Голливуде, продолжавшаяся свыше 20 лет. Вульфина приводит солидную фильмографию героя: 35 полнометражных лент и 5 телесериалов.

Однако любому художнику не дано знать, кем и чем он останется в истории. Может быть, в Америке и помнят голливудского Nicolai Remisoff, нам же, россиянам, дорог и симпатичен именно сатириконец Ре-Ми. Как не улыбнуться его шаржам на Льва Толстого, Репина, Куприна! Как не поблагодарить за чудесные иллюстрации к книгам Аркадия Аверченко, к «Прекрасным сабинянкам» Леонида Андреева!

«Неизвестный Ре-Ми» Ларисы Вульфиной проясняет многие «тёмные места» биографии героя и возвращает нам его живой облик. На многочисленных фото художника — в различном возрасте, разного качества — мы видим вполне современного человека: лицо — с глубокими мимическими морщинами, кричащими о том, что он смеялся часто, улыбку — хитрую и не предвещающую ничего хорошего, глаза — цепкие, которые сатириконцы называли «кодаками». Всё это так, но фотографии совершенно заслоняет собой один-единственный карандашный портрет художника работы Мстислава Добужинского (с. 244). Наверное, он мог бы называться «Старый клоун». Такие лица — с «весёлыми» морщинами в уголках глаз и рта, но с такими бездонно-грустными глазами — бывают у тех, кто смешит других, а самого себя рассмешить не может. Этот-то образ, загадочный, как «Джоконда», еще долго тревожит память — образ грустного клоуна, сатириконца Ре-Ми, художника из легенды.